

Милость сердечная

Анна Тюбукина-Филатова – известная симбирская сестра милосердия Российского общества Красного Креста. Она родилась в 1839 году в родовом поместье при селе Ромоданово Пензенского уезда и губернии.

Отцом Анны был «красивый и светский» гвардейский офицер Ипполит Иванович Тюбукин из мелкопоместных поволжских дворян. После женитьбы её родители перебрались в город Алатырь Симбирской губернии, где Тюбукин служил в удельном ведомстве. Он умер молодым от туберкулеза, когда Анне исполнилось пять лет. Вдова Прасковья Михайловна, хотя и имела небольшую собственность, со своими маленькими дочерьми Елизаветой, Варварой, Александрой и Анной переехала жить к родителям. Её отец Михаил Фёдорович Филатов был богатым помещиком Симбирской и Пензенской губерний. В ранней юности по обычаю тех лет он был записан в гвардейский пехотный полк. В возрасте 36 лет вышел в отставку. По семейному преданию, однажды во время ночного дежурства в Инженерном замке (дворец Павла I) Михаил Фёдорович укутался в халат и уснул. Спящим застал его Павел I. Взбешённый император немедленно отправил Михаила Фёдоровича в отставку с собственноручной припиской в приказе: «в отставку, в халате, без пенсии». Так закончилась гвардейская служба Михаила Фёдоровича. С 1800 года он поселился в имении. В 1812 году он в чине подполковника участвовал в ополчении, а после войны служил управляющим в Симбирской удельной конторе. Заботливо относился к крепостным. Михаилу Фёдоровичу принадлежало село Ромоданово Пензенской губернии, а его жене Елизавете Ниловне, урождённой Ермоловой, южная половина села Тёплый Стан Курмышского уез-

да Симбирской губернии. У супругов было много детей и внуков. Дружная семья часто собиралась в доме отца и деда.

Сёла Ромоданово и Тёплый Стан, хотя и относились к разным губерниям, находились на расстоянии 70 вёрст друг от друга. Зимой Филатовы жили в первом, а на лето уезжали во второе имение. К переезду всегда долго и тщательно готовились, потому что отправлялись большой семьёй вместе со слугами и необходимым скарбом. Обоз из карет, тарантаса и телег, гружённых доверху, отправлялся в путь спозаранку. Такие поездки были настоящим приключением для маленьких детей. Как позже вспоминала Анна Ипполитовна, дедушка любил слушать пение птиц. В доме в клетках жили снегيري, канарейки, щеглы и другие птицы. Их при переезде забирали с собой. Когда во время остановки какая-нибудь птичка вылетала из клетки и исчезала, дед злился и восклицал, что не уйдёт с места, пока её не поймут. Слуги и дети начинали бегать, кричать, размахивать руками, пытаясь её поймать. Это почти всегда удавалось, так как привыкшая к клетке пичуга далеко не улетала и вскоре оказывалась пойманной. Когда наступало время обеда, обоз останавливался, с него снимались ковры, расстилались на земле, и все принималась за трапезу. К вечеру добирались до места.

Село Тёплый Стан состояло из 200 дворов и тянулось двумя порядками версты на полторы. Посредине южного порядка стояла церковь, построенная на средства Филатовых и Сеченовых; западная половина

села была филатовской, восточная – сеченовской. Филатовская усадьба состояла из двух барских домов, дома управляющего, других усадебных строений и сада в 16 десятин с громадными вековыми деревьями.

Когда Анне Ипполитовне исполнилось десять лет, её поместили в Московский Екатерининский институт благородных девиц. Это было одно из первых женских учебных заведений в России, основанное в 1802 году по инициативе императрицы Марии Фёдоровны, матери правившего тогда императора Александра I, позднее оно вошло в систему Мариинских учреждений. Девочки получали серьёзное образование и воспитание. Режим дня был строг и насыщен. Ученицы вставали в 6 часов утра и занимались с перерывами до 8 часов вечера. Институтский курс разделялся на два класса, меньший и старший. В каждом ученицы должны были пробыть по три года.

Анна Ипполитовна поступила легко и училась хорошо. Благодаря своему целеустремлённому и стойкому характеру быстро приспособилась к строгой, почти монашеской дисциплине, к скудному казённому питанию и серой казарменной обстановке заведения, в котором провела несколько лет. Обучению благородным манерам в институте придавалось большое значение. Воспитанницам полагалось всё делать спокойно и тихо. «Утром встанем – говорим тихо; помолимся Богу, позавтракаем – тихо; там учитель – опять тишина. Парами ведут к обеду – молчи; за обедом говорят вполголоса... С шести до ужина приготовление уроков, и

↑ Софья Хвожинская

больше шёпотом; в восемь ужин, и поведут безмолвными парами. А там и спать ложись, и наступит тишина мёртвая», – вспоминала Софья Хвожинская. Строгая дисциплина, умение повелевать своими желаниями и эмоциями пригодились Анне Ипполитовне впоследствии. А пока, окончив учёбу, она вернулась к матери и сёстрам в Тёплый Стан.

Через несколько лет она была повенчана с Николаем Михайловичем Филатовым, вдовцом, имевшим от первого брака двух детей: Никиту и Надежду. Он приходился родным дядей Анне Ипполитовне. Его история не совсем обычная. До тринадцати лет он жил в имении отца, не получая никакого образования, лишь немного болтая по-французски. Когда его сестра Анна Михайловна, по мужу Житкова, старше его на двадцать лет, приехала в Тёплый Стан и увидела недоросля, засидевшегося в деревне, она увезла его в Санкт-Петербург. Оказавшись в столице, Николай Михайлович проявил недюжинные способности, прошёл военную инженерную школу, вышел в гвардию. Потом женился, стал отцом двоих детей. Но вскоре жена умерла, а он, оставив военную службу в чине штабс-капитана, вернулся на родину, вторично женился, работал мировым посредником, затем мировым судьей в Ардатове. Самостоятельно изучил право и пользовался большим авторитетом у местного населения. Позже, переехав в Симбирск, не имея официального юридического образования, считался одним из лучших симбирских адвокатов.

Лето Анна Ипполитовна с мужем проводила в деревне Сырятино, где Николаю Михайловичу принадлежала значительная часть угодий. Сюда из-за болезни в конце 1880-х годов он окончательно переселился. Перестроил дом, сохранив его план и обстановку. Анна Ипполитовна развела сад. В саду были солнечные часы, которые сделал племянник Алексей Крылов, будущий кораблестроитель, и в 12 дня все часы в доме поверялись по ним. Сырятино было одним из излюбленных мест отдыха всей родни и детей Николая Фёдоровича. Его дети (Анне Ипполитовне они приходились племянниками) выросли достойными людьми. Никита, как и отец, стал симбирским адвокатом. Дочь Надежда, в замужестве Гернет, воспитала выдающуюся дочь, великого математика Надежду Николаевну Гернет.

Одна из племянниц вспоминала: «Помню, как радостно трепыхались сердца, когда летом мы подъезжали к Сырятину... Поцелуи, радостные восклицания, беспричинный смех, смех юности. Гувернантки остались дома. Взрослые нас не наблюдают. Какое раздолье! ...Мы носимся по двору, в конюшнях, опустошаем сад, перелетая, как стая воробьёв, с крыжовника на вишни и яблони, бегаем купаться несколько раз в день». Разговоры, споры, игры, охоты и кавалькады и просто безудержное веселье оживляло усадьбу звоном молодых голосов, их свежей молодой силой.

Общих детей у Анны Ипполитовны с мужем не было. Но она с нежностью и материнской заботой относилась к детям супруга, племянникам. Всегда первой приходила к ним на помощь в трудные минуты. Так случилось, когда умерла её сестра Варвара Ипполитовна Драницына, «очаровательная, добрая и ласковая», Анна Ипполитовна постаралась заменить её дочери Елизавете Дмитриевне Драницыной мать. Анна Алексеевна Крылова (Капица) вспоминала: «Моя бабушка умерла очень рано. Дедушка, Дмитрий Иванович Драницын, был чиновником довольно высокого ранга, вот и натура у него была чиновничья. Мне рассказывали, что человеком он был очень малоприятным, такой самодур – деспотичный и грубый. Детями своими, которых у него было четверо, он тяготился, никакой привязанности к ним не испытывал, а овдовев, постарался поскорее

распределить их в разные институты подальше от себя. Мою маму ещё маленькой он забросил в институт в Казань. И вот с этого времени большое участие в её судьбе начала принимать родная сестра её матери – Анна Ипполитовна Тюбукина-Филатова. У них с мамой возникла какая-то особая душевная близость, они сильно привязались друг к другу, стали очень дружны. Каникулы мама всегда проводила в имении у Анны Ипполитовны среди всей нашей родни».

В честь тётушки Елизавета Дмитриевна Крылова свою дочь назвала Анной. Позже Анна Алексеевна вспоминала: «У бабы Анюты было малюсенькое имение в Симбирской губернии... Сырятино было для нас чудным местом, куда мама всегда ехала с восторгом, с огромным удовольствием. На железнодорожной станции нас уже поджидал бабушкин экипаж с её любимым кучером Емельяном Ивановичем, которого мы все обожали. В моих воспоминаниях мы приезжали всегда вечером, и нам приходилось ехать ещё верст пятнадцать, может быть, двадцать. И вот уже в сумерках мы едем по этим бескрайним степям, и куда ни посмотришь – где-нибудь пожар, горит деревня... Мы приезжали в деревню к бабушке. Баба Анюта восклицала: «Лизочка, как хорошо, что вы приехали!» Нас устраивали в очень уютную комнату. Это был такой старый дом, с портретами, с фарфором, очень симпатичный. Выходила тут же кухарка, толстая, её очень смешно звали, но я никак не могу вспомнить, как... Она хлопотала вокруг нас, делала какие-то пампушки, а утром мы сидели на террасе, перед нами был чудный сад, и бабушка радовалась. Очень всегда было хорошо у бабушки».

После того, как подросли и стали самостоятельными племянники, Анна Ипполитовна всю свою энергию посвятила общественной деятельности, став сестрой милосердия Русского общества Красного Креста. Случилось это в начале Русско-турецкой войны, в 1877 году. Война явилась следствием национально-освободительной борьбы славянских народов на Балканах против турецкого ига и вызвала большой резонанс в русском обществе. В губерниях формировались ополчения, для них требовался медицинский персонал. Молодые девушки и женщины массами шли

в качестве лекариц, фельдшер, сестёр милосердия и сиделок в эпицентре военных действий. Женщины подавали заявления на курсы по подготовке сестёр, куда принимались грамотные женщины в возрасте от 20 до 40 лет. Около 3000 женщин было подготовлено для нужд войны.

Анна Ипполитовна захотела стать сестрой милосердия. Окончила курсы и подала прошение об отправке на Балканы. Муж, увидев, что её намерение серьёзное и неизбежное, сдался.

Служба сестёр была трудной, опасной, напряжённой, особенно во второй половине войны, когда эпидемии начали косить людей не меньше, чем неприятельские пули и ядра. Однако сёстры милосердия успешно справлялись со своими обязанностями, несмотря на все трудности военного быта. Ничего не жалея для выздоровления больных и раненых, они делились пищей, использовали свои вещи на бинты, отдавали сапоги, оставаясь босыми, а если возникала необходимость пересадки кожи, становились донорами.

Вот как В.И. Немирович-Данченко описывал рабочий день сестёр в одном из госпиталей: «День сестры милосердия начинался очень рано. Ещё всё спит кругом, а дежурная сестра уже поднимает своих подруг, просит помочь ей... В госпитальных шатрах – смрад и духота. Тускло мерцают в душном воздухе свечи и лампы. Раненые не знают покоя. Стоны слышатся повсюду. В разных местах зовут сестру. Нужно перевернуть больного, поправить ему подушку, покрыть его одеялом... Забывая прежние привычки, подавляя отвращение к неопрятному делу, сёстры служат больным и ночью... У многих раненых сошли перевязки – грей воду, отмывай корпию, накладывай опять бинты; другим нужно лекарство, у третьего от крови, проступившей насквозь, заскорузло и коробится бельё, надо переменить, сам раненый не в силах этого сделать... За ночь у многих простыни испорчены, нужно очистить воздух, сменить постельное бельё».

Анна Ипполитовна вспоминала: «Я была в Болгарии семь месяцев и считала себя самой счастливой женщиной в мире, потому что

могла заботиться о несчастных раненых солдатах».

Потом Анна Ипполитовна была сестрой милосердия в Русско-японскую войну. В Первую мировую войну почти в восемьдесят лет она в Симбирске вновь устроилась сестрой милосердия в госпиталь при доме купца Зеленкова. Там было 70 кроватей, из которых 50 содержались на средства Всероссийского союза городов, а 20 – на средства чинов судебного ведомства. Раненые и больные госпиталя любили Анну Ипполитовну и ценили заботу о них. «Да и нельзя её не любить. Этакая цветущая старость!.. Даже подчас, глядя на неё, завидно становится», – восклицает А.В. Жиркевич. Он пишет в дневнике 17 октября 1916 года: «Была у нас старушка Филатова. Как всегда, просит за кого-нибудь из раненых или больных солдатиков. Одна из святых русских женщин, о которых народ сохраняет добрую память. Надо удивляться молодости её души. В минувшую зиму ей захотелось проводить на вокзал одного раненого солдатика. Она и отправилась пешком. Усадила его в вагон. Народу была масса – переводившихся раненых, солдат, уезжавших на позиции, провожавших их зрителей, и старушку изрядно потолкали. Но она осталась ждать момента отхода поезда. Тут её позвал прощаться в вагон другой солдат. Она вторично влезла в вагон, и там давка была ужасная, так что выбраться она не могла вовремя. В это время поезд тронулся, и её повезли до Киндяковки (ближайшая станция). Там она

слезла. Решила до города дойти пешком (5 вёрст), идя по линии железной дороги, а потом по полю. Встречные мужики с подводами не хотели её подвозить. Наступили сумерки, стало темно. Поднялась вьюга. Падая, спотыкаясь, чувствуя, как слабеют силы её, она всё шла и шла. Со стороны Киндяковки было слышно, как воют волки. Она знала, что тут под городом кого-то ограбили. Наконец нашёлся мужичок, ехавший с мешками картофеля в город. За 15 копеек он её подвёз до города на мешках. И рассказывает она это всё шутя, просто, точно о чём-то заурядном».

В годы Гражданской войны, когда все дворяне покинули свои имения, она осталась в Симбирске при большевиках. Жить Анне Ипполитовне было негде. На время её приютила у себя начальница Мариинской гимназии, выделив ей свободную комнату. Но скоро в гимназии учредили свой комитет, в состав которого вошли швейцар, кухарка, служанки и другая прислуга. Они потребовали выселения посторонних под предлогом, что начальница якобы не имеет права отдавать знакомым комнаты в казённой квартире. Филатову выселили. Жиркевич пишет: «Старушка горюет. Ей 80 лет. Она желала бы дожить до того времени, когда в России настанут порядок и правда. А силы её слабеют». Выселенную на улицу Анну Ипполитовну приютила генеральша Гриневиц.

Во время Комуча она вновь приступила к своим привычным обязанностям. Читаем вновь у Жиркевича: «22 июля 1918. Была у нас старуха Анна Ипполитовна Филатова. Едва запахло войной под Симбирском, она, как старый кавалерийский конь, бросилась в бой, предложив свои услуги большевикам в качестве сестры милосердия. Её не прогнали, но пока работы не дали. Конечно, она стара и слаба настолько, что не может принести должной серьёзной пользы. А всё же её предложение своих услуг ограбившим её большевикам в таком деле, как уход за их же ранеными, мне крайне симпатично».

О последних годах Анны Ипполитовны почти ничего не известно. Скончалась она в 1926 году.

Татьяна Громова
Материал подготовила
Ольга Бородина